

Жених-разбойник

Приехали двенадцать разбойников к одной девушке. Отца с матерью не было дома. И она заложила все окна и двери. Они почали лезть в окна. Она топором отрубила одному палец, мизинец. Они поехали, ей погрозили: «Ланно, говорят, мы все воротим». Самы уехали.

Приезжает отец с матерью. Они спросили: «Спокойно ли у тебя всё?» Она говорит: «Всё спокойно». Потом через неделю приезжают эти самые — сваты [сватать]. Отец с матерью их не знают, а она все-таки узнала их. Отец с матерью согласны ею отдать, что горас очень хорошо подъехали. А она отпирается: «Я, говорит, не пойду». Ну, ей не отперетца.

Она взяла кисейное платье, одела, как на смерть справилась. Они говорят: «А, ты, подлая, ты с другим гуляешь, зато не хочешь идти». (Девки дурны). Она говорит: «Так вы, говорит, вкажите, который же мой жених». Ей указали. Ну, она села за стол. «Ну, — говорит она жениху, — садитесь же и вы со мной. Ну, — говорит теперь отцу с матерью, — вы меня благословите, родители, и наделите, чем можете. Может, я с вами расстаюсь на вечную жись». Они [разбойники] говорят: «Что ты, голубушка, неужели ж мы затым приехали, чтобы отправилась на вечную жись? Ты с нами будешь жить».

Сели и поехали. Она села с своим женихом. Тыи на свои павозки. Потом они дорогой заговорили. «Вот, говорит, мы тебя везем на казнь. Там огонь разожгён про тебя». Она и говорит: «Дорогой мой, если ты мне закон, избав меня от этой муки». Он и говорит: «Вот, говорит, погоди ж, я соскочу с лошади».

Он соскочил с лошади, посмотрел, и они все спят. «Вот, говорит, ты теперь беги, мне больше ничим нельзя тебя сбавить». И она и побежала. А они приехали, прохватились, ей нету, начали его ругать. Он говорит, что вы три ночи не спали, то и я не спал: не знаю, куда она делась. Они обратили лошадей, поехали в погон за ней. Она слыши ихний стук невдыли. И она не знае, куда деться? Она взяла да на ель влезла и сидит на елине.

Оны подъехали. «Вот, говорит, след: она здесь на ели». Он говорит: «Может ли быть, что полезет девушка на ель!» (Он вкрывает!). И они начали на яну топорам кидать, отрубили ей палец в ногу. Вот эти говорят: «Во! Кровь побегла». А она палец завернула платком, с голове снявши. Он и говорит:

«Какая это кровь, когда вишь, против месяца, вам открывается смола ясная, а не кровь».

И оны поехали вперед, опять дальши. И оны как поехали, не успели оны проехать, еде старичок с соломкою. А она просит: «Дедушка, закопай ты меня в соломку, спаси ты меня от этой казне». Он закопал. И поехали. Немного проехали, а яны едут обратно — встрели их, это уже разбойники. Оны говорят: «Нет ли у тебя чаво в возу?» Он говорит: «Глупые, я по миру соломку собирал, буду ково закапывать!» И оны начали штыкам колоть в воз. Покололи и бросили; дедушка с этим поехал. И прямо на ейную родину.

Жил один жилец на пустоши (это отец девушки). Он приехал туды. Оны и спрашивают: «Не видал ли ты, не слыхал ли или ково не встрел ли? Вот, говорит, мы отдали дочку и очень беспокоимся». А он говорит: «Вот, говорит, у меня закопана в возу; или жива ваша дочка или не, потому что они штыкам кололи». Отец с матерью вышли, разрыли воз, она и умерши, прокололи в грудь. Мать, как увидала, что она умерла, так сразу и умерла. Отец один остался жить. И сказка вся.